Е.В. Пчелов, к.и.н., Москва

ТРИ МЕДВЕДЯ В СТАРЕЙШИХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ГЕРБАХ

(см. илл. на 2-4 стр. обложки)

Вячеславу Всеволодовичу Иванову по случаю его юбилея

Медведь ярославский, кудлатый,
Шагает, как знамя подняв
Секиру, которой когда-то
Убил его князь Ярослав.
Валентин Берестов

Среди земельных эмблем допетровской Руси, по сути древнейших территориальных гербов России[1], известны три, на которых помещались изображения медведей. Два медведя появились ещё во времена Ивана Грозного и известны на печатях его царствования – прежде всего на знаменитой т.н. «Большой государственной печати», созданной в конце 1570-х гг. (не позднее августа 1578 г.), в период Ливонской войны. Однако все три эмблемы с медведями приобрели окончательный вид только к 1672 г., когда вошли в не менее знаменитый «Титулярник» среди других земельных эмблем. Больше в допетровский период медведей в русской земельной эмблематике нет.

Значительная часть старинных земельных эмблем представлена образами животного мира. С одной стороны, они могли иметь чисто «природное», вполне естественное для данных территорий происхождение. С другой, образы животных могли иметь глубокий символический смысл, причём семантический диапазон того или иного представителя фауны мог быть весьма широким. Отсутствие объяснения эмблемы, адекватного времени её появления, в письменных источниках существенно затрудняет прояснение её семантики, но в некоторых случаях сами особенности изображения позволяют высказать определённые предположения. Все три случая с медведями как раз таковы. Медведи здесь не просто изображены в «естественном» своём состоянии, а имеют каждый особенные атрибуты, заставляющие вести поиски подходящих интерпретационных моделей. Обращает на себя внимание и то, что все три медведя сопряжены с конкретными территориями севера и северо-востока Руси, причём с теми, которые когда-то воспринимались в целом как окраинные, в некотором смысле периферийные – это Новгородская земля, Ярославская

и ещё более далёкая Пермская. Подчеркнём и их связь с финно-угорскими народами. В Новгородской земле этот элемент был первоначально весьма значимым – достаточно вспомнить, что Рюрика с братьями «пригла-шали на княжение» и славянские, и финно-угорские племена; Ярославль был основан на землях со смешанным славянско-финноугорским населением; а коренными жителями Пермской земли были коми. Хотя, конечно, к XVI в. в Новгородской и Ярославской землях этническая картина существенно изменилась, финно-угорский элемент не растворился полностью в славянском окружении, и соответствующие культурные традиции, пусть рудиментарно, могли сохраняться. Пермская же земля и вовсе представляла собой регион с преобладающим финно-угорским населением. Впрочем, не следует забывать и того, что в каждом случае на появление медведей в территориальных эмблемах могли повлиять и вполне конкретные исторические и идеологические обстоятельства.

Тем не менее сам образ медведя в мифо-ритуальных системах жителей лесной и лесостепной природно-географических зон играл, как известно, важную роль[2]. Не были исключением ни славяне, ни финно-угры. Так что появление медведей в земельной геральдике России было явлением закономерным. В то же время, подобно гербам Берлина или Берна, «русские» медведи не объясняли название города, т.е. не выполняли чисто этимологическую функцию «гласных» эмблем. Особенности их изображений и смыслового значения рассмотрим на примере каждого из них.

1. Медведь-страж в новгородском гербе.

Как можно думать, новгородский медведь впервые появился на печати новгородского наместника в 1565 г. 1 сентября (в новый, 7074-й год от Сотворения мира) Иван Грозный «велел зделати печать нову в Великий Новград Ноугородским наместником печатати грамоты перемирные с Свейским королём Новугороду о перемирии и грамоты посылные печатати о порубежных и о всяких делех к Свейскому королю; а на ней клейно: место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба; а около печати подпись: «царьского величества боярина и Великого Новагорода наместника печать»[3]. В таком виде печать Новгородская вошла в число эмблем на Большой печати Ивана Грозного, с единственным изменением – рыб в нижней части герба стало две (плывущих навстречу друг другу). Кроме того известна печать новгородского наместника, скреплявшая документ от августа 1561 г. о перезаключении шведско-русского перемирия – на ней изображены два противостоящих зверя, один большой, другой поменьше, по всей видимости, лев и, возможно, рысь[4]. С середины XIX в. известно также о существовании ещё одной печати, на которой зверей нет, а помещено только место с посохом и рыбы внизу. Её конкретная датировка весьма неопределённа, но вполне вероятно, что она использовалась в период Смутного времени, когда Новгород ненадолго стал вновь независимым от Москвы[5]. Примечательно, что количество рыб возросло – их уже три[6].

Впоследствии вариант с Большой печати Ивана Грозного восстановился, а к 1672 г. изображение изменилось, приобретя уже окончательный вид: место превратилось в трон, его спинку увенчал трисвечник, на троне разместились перекрещенные скипетр и посох с навершием в виде креста, а с обеих сторон трон теперь охраняли медведи[7]. Так завершилась эволюция новгородского герба.

Относительно эмблем, его составляющих, в историографии ведётся долгая и весьма активная дискуссия. К сожалению, как правило, все они рассматриваются в отдельности, в то время как, очевидно, существенен их анализ в совокупности. Наиболее спорна интерпретация «места» и посоха. Первоначально полагали, что это символы новгородской власти – вечевая степень и жезл посадника[8], но после работы Н.Г. Порфиридова[9] общим местом в историографии стало мнение, что на самом деле это – символы княжеской власти, свидетельствующие не о независимости Новгорода, а о подчинении московскому царю. При этом априорно подразумевалось, будто при Иване Грозном размещение на новгородской печати символов прежней власти было категорически невозможно, что само по себе, однако, отнюдь не очевидно. Напротив, использование этих символов, подчёркивавшее местные особенности Новгородской земли, её историю, могло быть переосмыслено как замена власти посадника властью наместника при сохранении прежних атрибутов.

И действительно, как уже указывал А.В. Арциховский, детально исследовавший изображения аналогичных предметов на древнерусских миниатюрах, «место» и жезл наиболее подходят к атрибутам новгородской вечевой и посадничеcкой власти. В то же время они выглядят явным анахронизмом применительно к царским регалиям середины XVI в., что отмечала, в целом соглашаясь с Н.Г. Порфиридовым, А.Л. Хорошкевич[10].

В самом деле, на той же Большой печати Ивана Грозного регалии царской (или княжеской) власти помещены вполне определённо в качестве эмблемы Великого княжества Смоленского – это трон с лежащей на нём шапкой-венцом (впоследствии герб Твери). Что они могли означать – власть московского царя над не столь давно отвоёванным Смоленском или же символизировали само великое княжество – власть смоленских князей (и в этом случае, заметим, их наличие в смоленском гербе типологически сходно с наличием «места» и посоха в новгородском) – требует отдельного рассмотрения и в данном контексте не так существенно – важно, что символы княжеской власти в числе прочих земельных эмблем присутствовали и они никоим образом не походили на имевшиеся в новгородской эмблеме. Практически одновременное использование двух «наборов» царских атрибутов (трона с шапкой и «места» с посохом) требует специального объяснения[11], но вопрос снимается, если признать именно *местную* специфику новгородских символов. Это объясняет и особенности новгородской эмблемы времён Смуты. То, что осталось только центральное изображение («место» и посох), а также рыбы, показывает, что именно оно и воспринималось как символ новгородской государственности. Но тогда

медведь и рысь имели иное, скорее всего связанное с центральной властью, значение. Какое же?

Интерпретация животных новгородской эмблемы также довольно сложна. Прообразом льва печати 1561 г. Дж. Линд полагает львов с новгородских печатей XV в., которые обозначены легендой «А се лют зверь»[12] - тем самым лев как бы символизировал преемственность от прежнего периода новгородской истории. Замечу, впрочем, что интерпретация исследователем большого зверя как льва спорна. Остальные зоологические символы, по мнению Дж. Линда, были непосредственно связаны с Ливонской войной, территориальными присоединениями и притязаниями[13]. Рыба была взята с герба Нарвы, захваченной русскими войсками (на нём изображалась рыба под короной), а её расположение под «местом» как бы символизировало то, что Нарва теперь находится под властью московского государя. Рысь – с герба финской провинции Тавастия («Емь» русских источников), а медведь – с герба провинции Северный Финн, владений финляндского князя Юхана Ваза, с именем которого и связана символизация Финляндии медведем. Таким образом, два последних зверя выполняли геральдическую функцию «притязания». Такое объяснение логично, но может встретить некоторые возражения. По мысли Г.И. Королёва, рыбы необязательно могли обозначать подчинение Нарвы, ибо само по себе их расположение под «местом» выглядит вполне естественным и не требует сопоставления взаимного расположения эмблем с нарвским гербом. В то же время рыбы могли являться и чисто природным символом, обозначавшим особенности края, подобно рыбам в белозерском гербе[14]. Сложнее обстоит дело с рысью. Детальный анализ изображения и истории наименования «рысь» привёл Г.И. Королёва к интересному выводу, что под «рысью» новгородского герба подразумевался на самом деле «барс» (леопард)[15]. Исследователь отметил упоминание барса в библейской книге пророка Даниила: «затем видел я: вот ещё зверь, как барс…» (VII, 6), понимавшегося позднейшими толкователями как аллегория «Эллинского государства» Александра Македонского, и не отверг возможность учёта этой семантики при анализе новгородской эмблемы. Впрочем, по мнению историка, медведь и барс, «стоящие на страже «места», усиливают значение центральных фигур»[16].

И действительно, и медведь и «рысь» являются как бы стражами центрального изображения, выполняя функцию аналогичную щитодержателям по отношению к щиту в гербе. Однако, если связывать барса с символикой видения пророка Даниила, то невозможно не обратить внимание и на присутствие в этой символике медведя: «и вот, ещё зверь, второй, похожий на медведя…» (VII, 5), а также на то, что эти звери выходят «из моря» (рыбы в нижней части герба). Согласно толкованиям библейских текстов, медведь символизировал здесь Мидийско-Персидское царство, предшествующее Эллинскому (империи Александра Македонского) и последующее Ассирийскому[17]. Последний, четвёртый зверь в видении Даниила означал Римскую империю, на преемственность от которой, в том чмсле и прямую

генеалогическую от императора Августа, претендовал Иван Грозный (эта тема, кстати, болезненно муссировалась в его переписке с Юханом Ваза). В этом контексте усиливается апокалиптическая тема: вслед за гибелью четырёх великих царств должно наступить царство вечное – царство Всевышнего, что вроде бы не противоречит общей идее Большой печати Ивана Грозного, проникнутой эсхатологическими мотивами. Но невозможно настаивать на подобной интерпретации новгородских эмблем – для этого нет достаточных оснований, учитывая к тому же конкретные внешнеполитические функции печати 1565 г. (дипломатические документы в отношениях со шведским двором), хотя очевидно, что на сам выбор животных могли повлиять различные причины.

Финляндский медведь просуществовал недолго, около 1581 г. его сменил лев, до сих пор являющийся национальной эмблемой Финляндии[18]. В новгородском же гербе медведь не только сохранился, но и «вытеснил» рысь. Два медведя остались стражами трона со знаками духовной и светской власти, сменившего прежнее «место» с посохом. Однако символ медведя в его государственном, национальном значении продолжал бытовать в пространстве финской культуры. Чёрный, увенчанный золотой короной, стоящий на задних ногах медведь с красными когтями, глазами и языком, держащий в лапах меч, стал гербом финской провинции Сатакунта (западное побережье Финляндии). А в мае 1920 г. прославленный финский художник Аксели Галлен-Каллела (1865–1931) поместил подобного медведя в гербе «независимой Карелии» (Ухтинского правительства), существовавшей всего несколько месяцев[19].

2. Государева охота на медведя и герб Ярославля.

На Большой печати Ивана Грозного ярославская эмблема представлена рыбой. Как долго она сохранялась в таком качестве, сказать сложно. Очевидно лишь, что в Титулярник 1672 г. в качестве ярославской вошла совсем другая эмблема – идущий на задних лапах медведь, который держит на плече протазан[20]. В описании ярославской печати 1692 г. «знак» княжества Ярославского – «медведок стоячей»[21].

Исследователи связывают это изображение с медвежьим культом в Верхнем Поволжье и «Сказанием о построении града Ярославля», известным по рукописи последней четверти XVIII в., но, вероятно, использовавшим народные предания[22]. В сказании рассказывается о жителях приволжского «селища» Медвежий угол – язычниках, поклонявшихся богу Волосу, и о том, как Ярослав Мудрый, княживший в Ростове (по летописным известиям при жизни своего отца Владимира, условно до 1010 г.), прибыл в это место с духовенством, мастеровыми и воинами. Язычники «испусти от клети некоего люта зверя и псов, да растешут князя и сущих с ним». Ярослав убил зверя секирой («а пси, яко агнцы, не прикоснуся никомуждо от них»), чем привёл местных жителей в смятение. На следующий день он основал при впадении Которосли в Волгу город, названный Ярославлем. Князь «водрузи на земли сей древян крест, и ту положи основу святому

храму пророка Илии; а храм сей посвяти во имя святаго угодника, яко хищнаго и лютаго зверя победи в день его». Хотя в сказании «лютый зверь» не назван, можно думать, исходя из местного топонима, что это был медведь[23]. Вряд ли можно сомневаться, что именно эта легенда, вернее, народное предание об основании города, и послужило основой для создания ярославского герба. Как показали исследования, культ медведя был вообще характерен для Ростово-Ярославского Поволжья (так же, как и для Новгородской земли)[24]. Безусловно, это одно из проявлений религиозных представлений более общего порядка – медвежьего культа у финно-угорских, скандинавских, сибирских и других северных народов лесной полосы. Так, у народов Сибири и Дальнего Востока распространены обряды, связанные с «медвежьим праздником», когда происходит охота (или инсценировка охоты) на выращенного специально для этого медведя (существует комплекс определённых ритуалов и соответствующий фольклор, в целом исследователи выделяют три варианта «медвежьего праздника»)[25]. Медведь считается хозяином зверей, зачастую родственником людей, а в некоторых случаях проводятся обряды, призванные «возродить» медведя. Подобные ритуалы, конечно, связаны и с промысловыми функциями, и с элементами тотемизма. Вероятно, одним из «отражений» древних мифо-ритуальных представлений можно считать и «медвежьи игры» – публичную борьбу с медведем, распространённую на аренах Античности и раннего Средневековья (в Византии IV–VII вв.)[26]

Важная особенность ярославского медведя отмечена в источнике 1692 г. – «медведок стоячей»[27]. Медведь идёт на задних ногах, подобно человеку, да ещё и несёт протазан. Безусловно, такое изображение объясняется традиционными представлениями о подобии медведя и человека, характерных для различных мифо-ритуальных систем, в том числе и славянской[28]. Помимо прочих антропологических характеристик медведь, как и человек, умеет ходить на двух ногах – эта примечательная особенность и отражена в ярославском гербе. Подобие медведя человеку в какой-то степени объясняет уже упомянутый, столь распространённый культурный мотив, как охота на медведя. В сказании об основании Ярославля медведь не только символизирует языческую, враждебную силу, побеждаемую князем, он как бы уподобляется ему, находясь на противоположном, отрицательном «полюсе» - борьба идёт на равных, и потому гибель медведя приобретает столь символическое значение в глазах наблюдателей.

По мысли Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, ярославское сказание входит в контекст общеславянского мифа о боге грозы и его противнике, на что, в частности, указывают и сопряжение не названного «по имени» медведя с Волосом, и упоминание построенной на месте единоборства церкви Святого Ильи, образ которого возможно соотнести с языческим Перуном[29]. Это корреспондируется и с религиозным смыслом самого рассказа о поединке Ярослава с медведем – «дьявольское», в данном случае языческое, начало оказывается побеждённым.

В то же время, по-видимому, охота на медведя, даже не охота, а единоборство с ним, выступает в качестве некоего важного, до некоторой степени даже непременного атрибута княжеской власти. Причём можно думать, что победа над медведем являлась одним из косвенных факторов легитимации юного правителя.

Вот как пишет польский хронист Галл Аноним о короле Болеславе III, выделяя эпизод с убийством медведя в отдельную главу: «Этот же самый отрок, прогуливаясь с немногими спутниками по лесу, остановился случайно на возвышенном месте и, посматривая сверху в разные стороны, увидел огромного медведя, игравшего с медведицей. Как только он увидел его, сейчас же спустился на равнину, приказав другим остаться, и один бесстрашно, сидя на коне, приблизился к кровожадным зверям и медведя, повернувшегося против него с поднятыми лапами, пронзил охотничьим копьём. Этот поступок вызвал достаточно удивления у присутствующих, а тем, кто не видел, должно рассказать о такой смелости отрока»[30].

Существенно, что предыдущий подвиг Болеслава, также особо отмеченный хронистом – убийство дикого кабана. Такое «сочетание» вепря и медведя также традиционно. «*Вепрь* у меня на бедре меч оторвал, *медведь* мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым» - писал Владимир Мономах в своём поучении[31]. Владимиро-Волынский князь Владимир Василькович (ум. в 1289 г.), племянник Даниила Галицкого, «лежаше всю зиму в болести своеи, росылая слуги свое на ловы, бяшеть бо и сам ловечь добр, хоробор, николи же ко *вепреви* и ни к *медведеви* не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь. Тем же и прослул бяшеть во всеи земле понеже дал бяшеть ему Бог вазнь [*удачу*] не токмо и на одиных ловех, но и во всемь, за его добро и правду» (Галицко-Волынская летопись)[32]. Сопряжённость вепря и медведя в культуре отразилась даже в средневековой европейской геральдике, где противостояние этих двух эмблем чётко прослеживается между кельтскими и германскими странами[33].

Рассказ об охотах Владимира Мономаха восходит к апокрифическому тексту «Заветов 12-ти патриархов», где говорится о подвигах патриарха Иуды. Библейский же эпизод о борьбе со львом и медведем и их убийстве связан с царём Давидом (1-я Царств, XVII, 34-35). Противоборство с дикими зверями, в том числе и с медведем, не просто свидетельствовало о Божьем покровительстве над царственными охотниками, но и являлось существенным элементом биографии правителя[34].

В древнерусской культуре первое изображение охоты на медведя (в числе других охотничьих эпизодов) известно уже на фреске XI в. из Киевской Софии. В историографии высказывалось предположение, что в качестве всадника на коне, поражающего медведя копьём, мог быть изображён Ярослав Мудрый, а сама сцена связана с ярославским сказанием, легенда которого в таком случае оказывается довольно древней.

Здесь, впрочем, важно сходство основной идеи обоих сюжетов – охота на медведя символизирует борьбу князя-христианина с язычеством[35]. Позднее сцены охоты на медведя присутствуют в инициалах тератологического стиля орнамента рязанских рукописей XVI в. и на вещах, связанных с княжеской властью: в декоре на рогатине тверского князя Бориса Александровича (княжил в 1426–1461 гг.) – фигура человека, пронзающего копьём в пасть вылезающего из берлоги (?) медведя; на монетах тверских князей Ивана Михайловича (княжил в 1399–1425 гг.) и Бориса Александровича – охотник, разящий медведя (?) в пасть, и нападающий на зверя пёс; а также, возможно, на монетах Василия Тёмного (схожая сцена)[36].

Обращает внимание «связь» этого изображения с тверскими князьями, и прежде всего с Борисом Александровичем. Здесь уместно напомнить, что на Большой печати Ивана Грозного великое княжество Тверское символизирует именно медведь. Другая существенная деталь, на которую обратил внимание и А.В. Чернецов: присутствие в сцене медвежьей охоты на монетах изображения собаки (пса). Псы часто упоминаются в источниках в связи с охотой на медведя (=противоборством), что могло, конечно, отражать и определённые реалии жизни: ср., к примеру, ярославское сказание, где псы, впрочем, выступают с «другой» стороны.

Наконец, общая для всех изображений деталь – оружие, которым человек пронзает медведя. Это – копьё или рогатина. Колющее оружие подобного типа (протазан) изображено и на древнейших ярославских гербах. Позднее его сменило рубящее оружие – секира, которое упоминается и в ярославском сказании. Эта замена произошла в 1720-х годах, в период деятельности в русской геральдике Ф. Санти, хотя изображение прежнего оружия встречалось на печатях ярославских учреждений, по крайней мере, до конца XVIII в.[37] Упоминание секиры в ярославском сказании ясно свидетельствует о его поздней обработке (не ранее XVII в., что подтверждается и датировкой рукописи, и исследованиями Н.Н. Воронина). Древнейшим и традиционным оружием в противоборстве с медведем являлась рогатина.

Медвежья охота оставалась особо значимой для русского государя и в дальнейшем. Причём эта охота зачастую являлась по сути единоборством. Юный Иван Грозный в возрасте 13-ти лет уже ездил на медвежью охоту[38]. Особенно выделялся своими охотничьими подвигами Лжедмитрий I. По словам Н.М. Карамзина, «он любил ездить верхом на диких, бешеных жеребцах, и собственною рукою, в присутствии Двора и народа, бить медведей»; о единоборстве Самозванца с медведем так рассказывается в «Московской хронике» Конрада Буссова (написана при участии зятя Буссова лютеранского пастора Мартина Бера): «Он любил охоту, прогулки и состязания, у него должны были быть самые прекрасные соколы, а также лучшие собаки для травли и выслеживания, кроме того, большие английские псы, чтобы ходить на медведей. Однажды под Тайнинским в открытом поле он отважился один пойти на огромного

медведя, приказал, невзирая на возражения князей и бояр, выпустить медведя, выехал на коне, напал на него и убил»[39]. Видимо, тем самым Лжедмитрий пытался не только продемонстрировать свою силу и ловкость, но и показать, что достоин занимать престол и является законным, хранимым Богом, государем. Даже такой молитвенник, как царь Фёдор Иоаннович отдал дань традиционной царской «забаве», правда, взирая на медвежью травлю со стороны, устраивая по праздничным дням своеобразные охотничьи представления[40]. Известно, что на медведя ходил царь Михаил Фёдорович. А с именем Алексея Михайловича связано известное предание о его чудесном спасении во время такой «охоты» в лесу под Саввино-Сторожевским монастырём. Тогда царь чуть не погиб в единоборстве с медведем, которого убил явившийся ему преподобный Савва.

В более поздний период можно упомянуть медвежью охоту Александра II, вообще вернувшего охоте (после некоторого перерыва) статус церемонии Российской монархии. Этому эпизоду была даже посвящена отдельная статья «Выстрел Его Величества в медведя»[41]. Несмотря на то, что само «содержание» этого события оказывается в значительной степени «выхолощенным» [это уже не поединок, не единоборство, а меткий выстрел на охоте; хотя медведь и был обнаружен внезапно, жизни царя он непосредственно не угрожал (на сопровождавшей статью литографии В.Ф. Тимма рядом с Александром изображены и другие охотники[42])], его глубинная семантика, как некоего фактора легитимации правителя, сохраняется. «Выстрел в медведя» происходит в 1857 г., т.е. в самом начале царствования Александра II[43].

3. Медведь в контексте христианизации и пермский герб.

Медведь, разумеется, далеко не всегда символизирует тёмные, отрицательные силы, побеждаемые с Божьей помощью в единоборстве. Он может выступать и в качестве орудия Божьего гнева. Как покровительство Бога оберегает от медведя, так его гнев посылает медведя в расплату за грехи. Такая ситуация описывается в Библии: 42 ребёнка были растерзаны двумя медведицами за то, что насмехались над пророком Елисеем (4-я Царств, II, 24). Медведь карает и язычников – в «Повести временных лет» медведь съедает повешенных на дубе языческих волхвов, появившихся в Ростовской земле из Ярославля – «и так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя»[44]. По-видимому, с этими представлениями связаны и опричные расправы Ивана Грозного, когда царь травил медведями людей[45]. Они вполне соответствуют той эсхатологической стратегии Опричнины как наказания царём своих подданных за грехи в преддверии Страшного Суда, которую осуществлял Иван[46]. Имеются, в частности, свидетельства о казни, когда человека зашивали в шкуру медведя, а затем выпускали на него собак[47]. Таким образом происходила своего рода *квази*-охота, инсценировавшая борьбу с дьявольским началом.

Соотнесённость медведя с негативными силами была настолько устойчивой, что церковь даже выдвигала некоторые запреты, связанные с медведем: осуждала «латинян» за принятие «медведины» в пищу и обсуждала вопрос, может ли священник носить одежду из медвежьей шкуры. Вероятно, этими установками в какой-то степени объясняется и та борьба, которая велась духовенством со скоморохами, «влачащими медведей»[48].

В образе медведя бесы, по представлениям того времени, могут являться Святым. Печерского инока Исакия они пугали «то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами»[49]. Святой побеждает медведя, но не оружием, как князь, убивая его, а добротой, приручая.

Замечательно повествует об этом в «Житии Сергия Радонежского» Епифаний Премудрый: «Овогда убо демоньскаа кознодейства и страхованиа, иногда же зверинаа устремлениа, мнози бо зверие, яко же речеся, в той пустыни тогда обретахуся. Овы стадом выюще, ревуще прохождааху, а друзии же не в мнозе, но или два или трие, или един по единому мимо течаху; овии же отдилече, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его. И от них же един зверь, рекомый аркуда, еже сказается медведь, иже повсегда обыче приходити к предподобному; се же видев преподобный, яко не злобы ради приходит к нему зверь, но паче да возметь от брашна *(еды)* мало нечто в пищу себе, и изношаше ему от хижа *(кельи)* своеа мал укрух хлеба, и полагаше ему или на пень, или на колоду, яко да пришед по обычаю зверь, и яко готову себе обрете пищу, и взем усты своими и отхожаше…»[50].

Здесь мы также видим, что эпизод с медведем входит в контекст духовных подвигов Сергия, претерпевавшего искусы и боровшегося с бесами. Характерно, что Святой не только кормил медведя, но даже отказывал себе в пище (если её было недостаточно) ради зверя. Схожее «чудо о медведе» связывается и с житием Серафима Саровского[51]. Тем самым чудо борьбы (победа над медведем в княжеской охоте) уступает место чуду добра и духа (умирение медведя Святым). Конечно, в житиях таким образом символически воплощается и идея о просвещении неверных, о духовной силе христианской любви, преображающей дикое, природное начало и живущей с ним в мире.

Следует полагать, что в подобном контексте, как символ духовного приобщения язычников к христианству, изображён медведь с евангелием на спине и крестом над ним в пермском гербе. Это медведь, идущий на четырёх лапах и опустивший голову. Подобное изображение присутствует на Большой печати Ивана Грозного, но там оно обозначает «Великое княжество Тверское». В качестве же пермской печати выступает лисица. Но уже с 1620-х гг. пермскую землю символизирует идущий медведь, а в Титулярнике 1672 г. на его спине находится евангелие, увенчанное крестом[52]. Существенно при этом, что в отличие от новгородского и ярославского собратьев, пермский медведь – белый, северный. Евангелие и крест на спине идущего медведя символизируют не просто победу христианства

над языческими культами (медвежьим культом финно-угорских племён)[53], а обращение жителей края в христианство, их путь ко Христу. Возможно, эта эмблема связывалась с деятельностью просветителя коми Стефана Пермского, хотя в самом Житии Стефана, написанном тем же Епифанием Премудрым, подобного сюжета нет. Впрочем, и в этом произведении медведь выступает как один из важных «атрибутов» охотничьего промысла, в данном случае пермяков (их основного хозяйственного занятия). Местный волхв Пам-«сотник», споря со Стефаном и доказывая, что его языческая вера лучше, приводит следующие доводы: если бог не один, а их много, то люди получают и больше помощников в делах, поэтому-де и идёт столь удачная охота у пермяков, да так, что один человек или двое многократно выходят на медведя и приносят его шкуру, в то время как христиане, жители Руси, на одного медведя идут толпой до ста, а то и до двухсот человек, и нередко возвращаются с пустыми руками[54]. Здесь, конечно, Епифаний допускает преувеличение, стремясь продемонстрировать лживость утверждений Пама, а значит, и неубедительность его доводов.

Примечательно, что типологически сочетание звериного символа с крестом над ним в пермском гербе сходно с некоторыми изображениями на шведских рунических камнях XI в. Здесь встречаются идущие звери («большой шагающий зверь», в другом случае – верблюд (?)) с помещёнными над ними крестами[55]. Эти рунические памятники сделаны в период христианизации Швеции и, вероятно, отражают тот же круг идей, что и пермский герб. Типология иной религиозной направленности присутствует в сравнительно позднем российском гербе Семипалатинска (и Семипалатинской области) (эти гербы были официально утверждены в 1851 и 1878 гг.): в лазуревом поле золотой верблюд, над которым серебряный полумесяц, рогами вверх, с серебряной пятиконечной звездою[56]. Здесь бесспорно влияние мусульманской символической традиции.

* * *

Итак, три медведя в русских земельных гербах связаны с разными мотивами семантики этого символа. Новгородский медведь, возможно, являясь финским заимствованием, имел государственно-политическое значение (хотя не исключено влияние и духовно-идеологических настроений), ярославский же и пермский отражали существенные культурные модели: первый – единоборство и победу над медведем князя, понимаемую и как победу христианства над язычеством, второй – христианизацию в религиозно-просветительском аспекте, и если в ярославском гербе присутствует элемент насилия, то в более «спокойном» пермском передано скорее мирное приобщение к новой вере. В XVIII-XIX вв. в российской территориальной и городской геральдике появилось ещё несколько медведей[57]. Частью они восходили к ярославскому (герб Малоярославца), частью имели более оригинальный вид (медведь в берлоге в гербе Усть-Сысольска, влезающий за мёдом на сосну медведь в гербе Сосницы), но в последнем случае означали местные природные особенности края.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1] Не вдаюсь в терминологические подробности, полагая, что к этому древнейшему комплексу территориальных эмблем вполне применимо понятие герба, ибо они уже обладали целым рядом его функциональных особенностей, включая для значительной части из них и стабильность в употреблении.

[2] О мифологической символике медведя см.: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Медведь // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 128–130.

[3] Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 1965. С. 398.

[4] ***Линд Дж.*** Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времён Ливонской войны // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 212. Г.И. Королёв в большом звере усматривает барса (следует учесть, что барса могли в допетровской Руси именовать «рысью»), а малого зверя не идентифицирует. Исследователь обнаружил на втором экземпляре договора 1561 г. оттиск реверса этой печати с изображением лисицы и под ней рога изобилия. Остаётся вопрос, личная ли это печать тогдашнего новгородского наместника боярина князя Фёдора Андреевича Булгакова, или должностная. В связи с этим нет возможности однозначно говорить о ней, как о эмблематическом прототипе печати 1565 г. (Подробнее см.: *Королёв Г.И.* Сфрагистическая эмблема Новгорода в XVI веке // Гербовед. № 75. 2004. С. 60–61).

[5] ***Линд Дж.*** Указ. соч. С. 211, 218–221.

[6] ***Королёв Г.И.*** Рыбы в новгородском гербе // Гербовед. № 18, 1997. С. 101–102. На саадачном покровце царя Михаила Фёдоровича (после 1626 г.) новгородский герб повторяет изображение на Большой государственной печати Ивана Грозного. В то же время в росписи печатей Алексея Михайловича описание новгородской эмблемы таково: «В Великом Новегороде место, а на месте посох, под местом озеро да три рыбки» (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 168, 196). Вероятно, это можно объяснить существованием двух новгородских печатей, как предполагает и Г.И. Королёв (*Королёв Г.И.* Эмблема Новгорода в XVI веке // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова / Сообщения Ростовского музея. XIII. Ростов, 2003. С. 232–233), «полная» печать (с медведем и «рысью») предназначалась для скрепления дипломатических документов, а её изображение использовалось в качестве официальной новгородской эмблемы на высшем государственном уровне, сфера применения «малой» (без стражей места) ограничивалась внутренними делами. Существенным различием между ними было количество рыб, требующее, вероятно, самостоятельного исследования. Три рыбы известны в новгородской эмблематике, связанной с именем владыки Евфимия, ещё в XV в. (См.: *Королёв Г.И.* Сфрагистическая эмблема Новгорода в XVI веке. С. 63).

[7] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 196–197.

[8] См.: ***Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.*** Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 125–128; здесь же и литература вопроса.

[9] ***Порфиридов Н.Г.*** Новгородская «вечевая» печать // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 2. Л., 1969. С. 190–198.

[10] Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 176–177.

[11] Г.И. Королёв следующим образом объясняет это: «Предполагаю, что степень понималась как более старая форма, подчёркивающая старинность великокняжеской, затем царской власти в Новгороде. Одновременно для выбора рассматриваемой формы было чисто художественное основание: во-первых, нужно было различить два престола по внешности, а во-вторых, длинный посох уместно было наложить на длинную же фигуру степени» (*Королёв Г.И.* Сфрагистическая эмблема Новгорода в XVI веке. С. 63).

[12] Это наименование в древнерусской культуре могло означать разных зверей (волка, медведя), но чаще всего льва. Новейшая работа с обзором литературы вопроса: *Успенский Ф.Б. Лютый зверь* на Руси и в Скандинавии // Славяноведение. № 2, 2004. С. 88–105.

[13] ***Линд Дж.*** Указ. соч. С. 212–218.

[14] ***Королёв Г.И.*** Рыбы в Новгородском гербе. С. 100–101.

[15] ***Королёв Г.И.*** Новгородская «рысь» и псковский барс // Гербовед. № 55, 2002. С. 19–26.

[16] ***Королёв Г.И.*** Эмблема Новгорода в XVI веке. С. 233.

[17] См. об этом: ***Синицына Н.В.*** Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 16–18. В Смоленской псалтири 1395 г. медведь служит символом «Вавилонского царя» (изображение см.: *Chernetsov A.V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An iconographic study. 1983. Pl. XXXVIII, 1).

[18] ***Линд Дж.*** Указ. соч. С. 225.

[19] Подробнее об этом см.: ***Пашков А.М.*** Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 186–194.

[20] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 200–201.

[21] ***Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.*** Указ. соч. С. 49.

[22] ***Тихомиров И.А.*** О некоторых ярославских гербах // Труды III областного историко-археологического съезда во Владимире. Владимир, 1909. С. 35–40; ***Воронин Н.Н.*** Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. IV. Ярославль, 1960. С. 25–93 (текст «Сказания» – с. 90–93); ***Мейерович М.Г.*** К вопросу о времени основания города Ярославля // Там же. С. 5–24; ***Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.*** Указ. соч. С. 128–129; ***Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.*** Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 55–61; ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 175–176; ***Рапов О.М.*** Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988. С. 317–329.

[23] ***Воронин Н.Н.*** Указ. соч. С. 44 (наименование медведя могло иметь священное значение у местных племён и потому быть табуированным).

[24] Там же. С. 41–75 (здесь обширный археологический, топонимический, этнографический и т.п. материал).

[25] См. об этом: Северная Энциклопедия. М., 2004. С. 547–551 (здесь же приведена и литература вопроса).

[26] Подробнее об этом и различных проявлениях медвежьего культа у разных народов см. указ. соч. Н.Н. Воронина. К этому же «кругу» примыкает и «медвежья потеха» скоморохов, о которой также пишет Н.Н. Воронин. Здесь нет возможности детально останавливаться на этом явлении (из новейших публикаций, затрагивающих, правда, более поздний материал, см.: ***Некрылова А.Ф.*** Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.,

2004), отмечу только, что на Руси «ходебщики» с медведями, как и сами звери, происходили в основном из Ярославской и Рязанской губерний (*Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. С. 59).

[27] ***Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.*** Указ. соч. С. 49, 128.

[28] ***Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.*** Медведь. С. 128; О медведе в славянской культурно-мифологической традиции см. таюке: *Гура А.В.* Медведь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 211–215.

[29] Подробнее: ***Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.*** Исследования в области славянских древностей. С. 55–61.

[30] ***Галл Аноним.*** Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 74 (перевод Л.М. Поповой).

[31] Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 242 (перевод Д.С. Лихачёва).

[32] Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 905–906.

[33] ***Пастуро М.*** Геральдика. М., 2003. С. 102.

[34] См.: ***Иванов Вяч.Вс.*** Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. № 2, 2004. С. 72–75.

[35] Подробнее см.: ***Писаренко Ю.Г.*** «Охотник на медведя» с фрески Софийского собора в Киеве // Ярославская Старина. Вып. 1. 1994. С. 13–17 (впервые эта идея была высказана Р.С. Орловым в 1990 г.).

[36] Об этом и изображения см.: ***Chernetsov A.V.*** Op. cit. P. 83–85, Pl. IX, 16–19, XXXIV, 2, XXXVI, 1.

[37] Об оружии, которое несёт ярославский медведь, см.: ***Воронин Н.Н.*** Указ. соч. С. 68–69, илл. на с. 70. Примечательно, что на рисунке государственного герба из дневника И. Корба, вероятно, не разобравшего детали эмблемы, ярославский медведь несёт нечто похожее на знамя. Зачастую оружие принимало вид трезубца – это результат «трансформации» протазана, имевшего помимо основного острия ещё два загнутых по бокам.

[38] ***Карамзин Н.М.*** История государства Российского. Т. VIII. Прим. 153.

[39] Там же. Т. XI. Стб. 130, 151; ***Буссов К.*** Московская хроника. 1584–1613. М.-Л., 1961. С. 111.

[40] ***Карамзин Н.М.*** Указ. соч. Т. X. Стб. 50, 160. Об этой «потехе» (боях с дикими медведями, выпускаемыми из клеток, оружием при этом служила рогатина) упоминает Дж. Флетчер (***Флетчер Дж.*** О государстве Русском. М., 2002. С. 154–155).

[41] См.: ***Уортман Р.*** Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 84–85.

[42] Там же. С. 85–86.

[43] Отголоски единоборства с медведем, как фактора своеобразной инициации, можно видеть в повести А.С. Пушкина «Дубровский», когда новичка по приказанию Троекурова вталкивали в комнату с проголодавшимся медведем. Это, правда, было не противоборство, а скорее триллер, казавшийся забавным хозяину, но сам Дубровский (под видом учителя-француза) застрелил медведя, с честью выйдя из этой ситуации, чем вызвал изумление и уважение Кирилы Петровича.

[44] Повесть временных лет. С. 214.

[45] ***Карамзин Н.М.*** Указ. соч. Т. IX. Стб. 97, прим. 323.

[46] Подробнее анализ Опричнины и опричных казней см.: ***Юрганов А.Л.*** Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356–410.

[47] Там же. С. 366. Так погиб новгородский архиепископ Леонид. Исследователь объясняет этот способ казни тем, что с образом медведя (как и других животных) соотносились определённые человеческие грехи.

[48] Об этом см.: ***Воронин Н.Н.*** Указ. соч. С. 71–72 и сл.; автор связывает рассказ Повести временных лет о гибели волхвов с «медвежьей потехой» скоморохов.

[49] Повесть временных лет. С. 222. Ср. известный мотив «искушение Святого Антония».

[50] Цит. по: ***Клосс Б.М.*** Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 316. Этот сюжет лёг в основу известной картины М.В. Нестерова «Юность Преподобного Сергия» (1892–1897), находящейся ныне в Третьяковской галерее.

[51] Многочисленные изображения см. в кн.: Преподобный Серафим Саровский: Агиография. Почитание. Иконография / Сост. и отв. ред. Н.Н. Чугреева. М., 2004.

[52] ***Соболева Н.А.*** Указ. соч. С. 198–199. Пермский медведь изображён уже на саадачном покровце царя Михаила Фёдоровича (после 1626 г.), хотя по описи 1627 г. «тверская печать – медведь ходячей, а под ним земля» (***Хорошкевич А.Л.*** Герб // Герб и флаг России. X–XX века. С. 184).

[53] ***Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.*** Указ. соч. С. 129–130.

[54] Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Издание Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 47.

[55] ***Мельникова Е.А.*** Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 288, илл. 99 (С. 459); с. 303, илл. 112 (С. 468).

[56] ***фон Винклер П.П.*** Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. М., 1990. С. 135, 199.

[57] Там же. С. 19–20. В «пространство» российской территориальной геральдики входил ещё один земельный герб с медведем – Самогитский: «в золотом поле чёрный, стоящий на задних лапах медведь с червлёными глазами и языком» – символ Жемайтии, одной из литовских областей, древнерусской Жмуди – «дикого», лесистого края, долгое время (в истории Великого княжества Литовского) остававшегося языческим.

ТРИ МЕДВЕДЯ
В СТАРЕЙШИХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ГЕРБАХ

(см. стр. 48)

Некоторые значки с новгородскими гербами.
Фрагмент коллекции А.О. Кудряшова.

ТРИ МЕДВЕДЯ
В СТАРЕЙШИХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ГЕРБАХ

(см. стр. 48)

Некоторые значки с пермскими гербами.
Фрагмент коллекции А.О. Кудряшова.

ТРИ МЕДВЕДЯ
В СТАРЕЙШИХ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ГЕРБАХ

(см. стр. 48)

Некоторые значки с ярославскими гербами.
Фрагмент коллекции А.О. Кудряшова.